

Тема российско-украинского конфликта, на обывательском уровне давно перешедшего в формат, замеченный еще в нашумевшем фильме «Брат-2» и корректно переводимый как «Украинец русскому не товарищ» и, аналогично, наоборот, в соответствии с генеральными линиями партий и правительств двух стран, которые не пересекаются не потому что идут параллельно, а потому что осознанно расходятся в пространстве, и не евклидовом вовсе, а том, в котором живем мы с вами, так вот, тема эта с марта 2014-го не может не беспокоить российских и украинских писателей, слишком интересен этот конфликт в художественном плане. Мода! В России сейчас мода на патриотизм, в Украине (кто-то невеждой произносит как раньше – на Украине, но мы же грамотные люди) мода на сепаратизм. Конфликт тоже моден. Сюжетов не счесть. Есть, о чем писать. Для одних война – сыра земля, для других – чернозем для творчества. Год назад одного известного писателя спросили – а вы же наверняка пишете что-то про конфликт? Писатель посещал ежемесячно непризнанную Новороссию, возил туда гуманитарную помощь, проводил там многочисленные творческие вечера, фотографировался с ополченцами, множил комментарии в социальных сетях, но при этом отнекивался – нет, писать не буду, слишком рано, но не сдержался, написал что-то про нечужую смуту, впрочем, произведение не художественное, а публицистическое, потом заявил, что готовятся еще две книги, пока тоже документальные, а художественная уже в уме, должна отлежаться, насытиться. А за этим писателем подтянулись другие, показав миру свои дневники, рассказы, повести...

и понеслось. И когда увидел я в книжном магазине роман Слаповского, прочитал аннотацию, первая мысль пришла – значит, и его задела мода крылом своим, за несвойственной серьезным книгам обложкой с птичкой наверняка что-то про патриотизм, про любовь к родине, разрушенные дома, слезы, Крым, Донбасс. Будут хорошие русские и плохие украинцы. «Не смотрите на ночь российское телевидение», – вспомнились никогда не произнесенные слова профессора Преображенского, и рука потянулась положить книгу на полку. Туда, где взял, пусть читают другие. Но что-то помешало. Возможно, фамилия автора. Слаповский – писатель, у которого есть собственное мнение, не спущенное сверху вниз по вертикали власти.

Поселок. Большой поселок. С вымышленным названием Грежин. Много домов, много улиц. Людей много. Не деревня какая-то в десять срубов. Слева Украина, справа Россия. Когда-то жили в одной стране, сегодня в разных. Но корни единые в земле. В поселке общее газо- и водоснабжение, канализация – «где она имелаась», – улыбается над сельским бытом автор, общие электросети. Общая жизнь, через двор родственники, все знают друг друга, сваты, кумы, деверя. Когда в начале девяностых Борис Николаевич разрешил брать суверенитета сколько можно унести, то взяли и понесли. Каждый в свою сторону. Провели границу в поселке. По миру границ таких несть числа. Сам видел. Половина ресторана в Бельгии, половина во Франции. Линия краской через зал. Люди ходят, друг с другом кружками пивными чокаются, со всего мира приезжают, фотографируются. Бельгийское пиво вкуснее, зато какие у французов сыры! Выпил на бельгийской стороне, закусил на французской. Европа! Границы на бумаге только – переходы, не хочу. Была страшная одна в прошлом веке, когда стеной делили Берлин. Через дом прошла. Жильцам того дома – решайте, куда вам, срок до утра. Грежин – не Берлин, а трагедия не меньшая. Проходит граница по улице Мира, словно в насмешку. Родину пополам режет. Да выяснилось, что не только ее, а судьбы многих. Хоть и привыкли люди. Люди ко всему привыкают. Мирно лежат двое граждан двух суверенных государств на пустыре, заросшем бурьяном, молча пьют пиво из пластиковой бутылки, передавая ее друг другу. И невдомек им, что скоро пустырь окрасится кровью. Фамилия российского гражданина Жовтюк, фамилия украинского – Иванов. Хочется улыбнуться. Пока можно, скоро будет не до смеха.

А пока есть место улыбке, ощущаешь, что если читать роман не очень внимательно, – а может, это и задумка автора и делает он все специально, чтобы продемонстрировать читателю бессмысленность происходящего, – то иногда путаешься, о какой части Грежина собственно идет речь – об украинской или российской. И там и там русский язык, и там и там перетасованные фамилии, тут русские, там украинцы, или наоборот. Но постепенно, страница за страницей формируются образы героев, словно догоняя политическую картину зреющей войны.

Но пока мир. Школа на одной стороне, больница на другой. Ходят жители когда-то единой страны «из России в Украину за картошкой, молоком, водкой и другими повседневными продуктами, которые там дешевле, а из Украины в Россию – за бензином». Смотрят на них пограничники. Стой, кто идет! Свои! Ну проходи. Как тут иначе, если служишь ты Украине, «мама у тебя с Урала, а папа вообще болгарин». Такое вот разделение на два народа. Царит мир на улице Мира. Но уже кто-то поджег фитилек. Шепчет в углу – «Либо Россия, либо Украина, третьего не дано». Того гляди начнется, но про третье мы запомним.

А началось-то все с ерунды. Ну приехал в русскую часть Грежин русский человек. Евгений. В гимнастерке и в сапогах. Мог бы в джинсах, футболке и кроссовках, но то ли не было одежды иной, то ли просто решил соригинальничать. Приехал, вышел из автобуса, начал ходить по поселку и говорить то, что думает, от третьего лица говорить, смущая всех, про себя и про окружающих. Правду говорить. Такую, которую люди в себе обычно держат, а у него она сразу наружу. И тексты первоначально безобидные, о личном, о любви, о сокровенных чувствах. А потом про политику, про войну, про то, что не нужна она никому, потому, что если убить сегодня соседа, то увидит смерть эту сын, запомнит и придет мстить, как подрастет, а мстить будет, может, и не тому, кто убил, а сыну убийцы, и будет эта месть бесконечна. А бесконечным должен быть мир. И задумались все жители поселка. И те, что с русской стороны, и те, что с украинской. Ходит Евгений, народ баламутит, а в кармане гимнастерки справка, что псих он, ну не псих, но все равно справка, что носитель ее с отклонениями, но не опасен обществу. А он про себя – я гений. А мы тоже про себя сразу эту фразу со школы знакомую – «гений и злодейство две вещи несовместные». Так ли? Там-то один гений другого убил. А может, и не был гением вовсе. Впрочем, увидим. Слаповский большую книгу написал, долго читать, без малого 500 страниц, не каждый привыкший к пляжным «покетам» выдержит. Стало быть, приехал в Грежин Евгений. И всю жизнь в поселке перевернул. И не к добру вовсе. К беде.

«Гений» – роман о том, как на пустом совсем месте возник российско-украинский конфликт. Грежин – кривое зеркало Донецка и Луганска. Не документально. Гипотетически. «Гений» – фантазия автора, но почему-то не сомневаешься, что было именно так, и веришь Слаповскому больше, чем написанным и не написанным пока еще воспоминаниям заезжих очевидцев. И уж тем более в прозе его больше правды, чем в сюжетах на центральных каналах обеих наших стран. Где-то далеко Крым, уже российский, где-то далеко рвущаяся к независимости Новороссия. Там полыхает война, гибнут люди. В Грежине все спокойно. Пока спокойно. Нет повода ссориться. Но кто-то ищет причину, война кому-то нужна, длинная, медленная, ленивая, на которую можно все списать. А пока течет без суеты жизнь, сидит на пустыре молодежь, спорит о том, где лучше жить – в Европе или России, люди пьют водку и горилку, ходят на субботники, влюбляется в Свету Евгений, в нее же влюбляется Руслан. Аркадий женат, но любит Анфису. Но и жену тоже любит. А майор милиции Мовчан свою жену – нет. Ему нравится Света, но сына своего Степана он пытается женить на ней. А у Степана две невесты и обе ждут ребенка. И проблема – как выбрать? А может, и не выбирать, а бросить все и уйти в ополчение, воевать за справедливость. Впрочем, никто и не знает, какая она есть, эта справедливость. Такая вот насыщенная в поселке жизнь. И не до войны вовсе. А она стучится в дверь. Да и не сама вовсе стучится. Подводят ее за руку к двери той и заставляют стучать.

Конфликт назревает. Он привнесен, он не родной Грежину, конфликт культивируют, он зреет не потому, что вокруг яркое солнце, плодородная почва, чернозем. А потому, что он нужен политикам обеих стран. Потому что безлика людская масса, доверяющая власти. «Феноменальная поддержка власти населением, девяносто процентов которого одобряет все ее действия, на самом деле означает радость народа, что наконец-то за него кто-то все решает, радость освобождения пос-

редством рабства, ибо рабство избавляет от мук выбора». Так и хочется выделить жирным курсивом эту фразу. Слаповский просто и доходчиво объясняет читателю причины конфликта, его смысл и необходимость. Ему хочется верить. И в том числе потому, что верить власти давно не хочется.

Смертельной самонаводящейся ракетой, выпущенной детской рукой из кем-то забытой в кустах ракетницы в Грежине перечеркивается мир. В поселок вслед за смертью приходит пахнущая портупеей война, скрежешет металлом бронетранспортеров, клацает затворами автоматов. «Господи, да оставили бы уже нас в покое!» – слышен чей-то вздох в тишине. Мира хотят простые русские и украинцы, мира хотят нормальные люди, вот только за них думает и работает машина государственной пропаганды, спрашивая строгим голосом из трубки черного (правительственного! Из Москвы! Слушать стоя!) телефона: «Нет ли демонстраций... не вышли ли люди с плакатами “Нет фашизму!”... не создаются ли отряды самообороны?» А в конце, чтобы было понятно, что и не вопросы это вовсе, а указания к действию – приказ: «ждем сообщений о народных инициативах». Кто тут хотел, чтобы вас оставили в покое? И не мечтайте. И нет никаких шансов спастись от этого телефонного звонка. Он везде. «Государство все настойчивее заглядывает в каждый дом, в каждый угол – из телевизора, из интернета... наезжают... агитаторы, уполномоченные, и каждый всматривается тебе в глаза, словно проверяя, достаточный ли ты патриот, готов ли к трудностям и готовишь ли к ним население». Страдают герои романа, мучаясь каждый от своих надоедливых правителей.

Война информационная – часть войны настоящей, а может быть, и не часть даже, а главная ее составляющая. Это при Петре Первом победы ковались на полях сражений. Нынче победа приходит к нам с экрана телевизора. Над ней работают не полководцы, а политтехнологи. Настоящей крови не хочет никто, а если она проливается, то главное здесь – свалить все на третью силу. Свалить на несистемную оппозицию, внешнего врага. Третья сила – выход из любой ситуации, она неуловима, необъяснима, неизвестна. Кто говорил, что третьего не дано? Дано, еще как. И вот уже голос из телефонной трубки дает подсказку – «Дошло ли до вооруженного столкновения с третьей силой, которая, как выяснилось, виновата во всем, что там произошло и происходит?» Слаповский рисует хитрости современных конфликтов, рассказывает нам, тем, кто еще верит телевизору, секреты информационной пропаганды. Секреты просты. «Страшный надгробный телевизор, который разогревает войну каждый день, потому что она его кормит. Отключи его от электричества, все равно будет работать, подпитываемый войной».

Вот только третьей силы в реальной жизни нет. А значит, ее надо придумать. Придумать и ликвидировать. Что-то неясное, чтобы никто ни разу не видел, чтобы никто не мог догадаться. «Молодежная русско-украинская банда... Какие у них цели, чего хотят, непонятно, то ли чтобы окончательный мир был, то ли чтобы окончательная война». Самое оно! Лучше и не скажешь. Сила, которая хочет войны, с рождения своего виноватая во всех жертвах, в разжигании конфликта, в пролитой крови. Молодые ребята, напившиеся такого же как они молодого вина. Глупые и невиновные. Взявшие в руки случайно обрез времен второй мировой войны. Чтобы пострелять по бутылкам. Вчерашние дети, еще не все даже закончившие школу.

Если попытаться охарактеризовать жанр произведения Слаповского,

то, наверное, первое, что приходит в голову, это трагикомедия. Вначале кажется, что автор вежливо иронизирует над своими героями, с помощью все того же Евгения выставляя напоказ их потаенные мысли, желания, чувства. Но, прочитав большую часть книги, понимаешь: никакая это не ирония, и трагикомедией роман можно назвать лишь с очень большой натяжкой. «Гений» Слаповского – настоящая драма. Слаповский демонстрирует читателю бессмысленность и ненужность войны, в которой гибнут не те, кто ее начал, и не те, кто защищает свою родину, город, поселок, дом. Гибнут другие люди, порою совсем случайные, оказавшиеся в этой войне без цели и желания. Просто их задело осколком. Гибнет Степан от ребяческой глупости, желания поиграть во взрослую войнушку. Гибнет архитектор Геннадий Владимировский, приехавший строить и по иронии судьбы заваленный рухнувшим сараем, гибнут молодые ребята, на миг вообразившие себя солдатами, гибнет политтехнолог, получивший приказ придумать третью силу. Если вдуматься, то каждый и погибает от третьей силы, вот только сила эта – человеческая глупость и нежелание решать самим свою собственную судьбу. Каждый из погибших, да похоже и живых, всего лишь герой компьютерной стрелялки, которую придумали взрослые, серьезные политики. Вот только в стрелялке все не по-настоящему, а в книге, как в жизни, с простреленным сердцем не поднимаются.

«Гениями не рождаются: гениями умирают», – кажется, что обманывает читателя с самой обложки Слаповский. Так и ждем мы весь роман до самой последней страницы смерти того самого героя, который взбудоражил поселок своим нестандартным поведением, внес сумятицу в его размеренную жизнь. Евгений остается жив. Многих людей он спасает. Наверное, даже спасает мир на Грежинской земле. Вот только невинных ребят, нарисованную звонком из Москвы третью силу, спасти ему не удастся. Евгений берет в руки оружие, и хоть оно не стреляет ни разу, гений в нем погибает. Остается обычный человек, со своими странностями и со справкой от врача, аккуратно свернутой в кармане гимнастерки. Гений и злодейство две вещи несовместные. Прав был классик.